

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ В ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ГРУППАХ С ПРЯМЫМ ОБЪЕКТОМ

Ключевые слова: аспектуальность, детерминантность, батизматические наслоения, лексикографический анализ, контрастивный анализ, немецкий язык, русский язык.

Статья продолжает исследование автора по межкатегориальному взаимодействию, уточняющее идею коммуникативно-грамматической однофункциональности глагольной и именной сфер, обоснованную в работах Э. Лайсс на материале категории детерминантности и В. Б. Кашкина на материале категории неопределенности. Обобщая указанные работы, автор использует выведенное им ранее понятие аспектуально-детерминантного равновесия, а также дополняет текстовый анализ лексикографическим. Оба вида анализа проводятся в сопоставительном ключе с использованием понятий батизматического насыщения и внутринаучного и межнаучного трансфера, что позволяет эксплицитовать скрытые категории. В глагольно-именных словосочетаниях с прямым объектом немецкого и русского языков реализуется тенденция к аспектуально-детерминантному равновесию в коммуникативно нейтральных ситуациях. В этих случаях семантика аспектуальности координирует выбор грамматических категорий определенности/неопределенности и числа имени в винительном падеже. В русском языке переходный глагол совершенного вида в коммуникативно нейтральной ситуации управляет прямым объектом с семантикой определенности, которая не имеет категориального выражения и выявляется в контексте. Переходные глаголы несовершенного вида в тех же ситуациях присоединяют прямой объект с семантикой неопределенности, реализуемой опосредованно через категорию множественного числа, показывающую открытость класса и возможность его пополнения. В противоположность этому в немецком языке аспектуальность глагола-сказуемого выражается семантически в категориях терминативности и курсивности, а категория детерминантности имени имеет грамматическое выражение. Терминативные переходные глаголы в коммуникативно нейтральных ситуациях управляют прямым объектом с определенным артиклем или заменяющим его детерминантом, а переходные курсивные глаголы требуют, как правило, зависимого имени с неопределенным артиклем. В ситуациях коммуникативной выделенности, а также в ситуациях линвокультурной обусловленности и при наличии узальной идиоматики указанная тенденция нарушается. Батизматическое насыщение прямого объекта координируется управляющим глаголом.

CATEGORY INTERACTION IN VERBAL AND NOMINAL GROUPS WITH A DIRECT OBJECT

Keywords: verbal aspect, nouns determination, bathymatic accumulation, lexicographical analysis, comparative analysis, German language, Russian language.

In the paper, the author continues her research on category interaction, developing the idea of unfunctionality in verbal and noun spheres that has been discussed by Elisabeth Leiss and Vyačeslav B. Kaškin. Leiss has considered this as a category of determination while Kaškin regarded it as a category of indetermination. The author combines their ideas using the notion of the aspectual and determinant balance and supplementing textual analysis with a lexicographical one. Both lexicographical and text analysis are contrastive and use the notions of bathymatic accumulation as well as inter-science and out-science transfer to uncover hidden categories. Verbal-noun phrases with a direct object tend to an aspectual and determinant balance: aspectual semantics defines the choice of grammatical category of noun's determination vs. indetermination and influences the category of number for direct objects. In a neutral communicative situation, the Russian transitive perfective verb governs the direct object with the semantics of definiteness, which has no grammatical expression and manifests itself in context only. In contrast, transitive imperfective verbs govern direct objects with the semantics of indefiniteness expressed with a plural form, proving it to be an open class, potentially accepting new additions. On the contrary, verbal aspect in German is not grammatical but semantical. German verbs have a terminative or a cursive sense in their semantics, although the determination of nouns is a grammatical category. In a neutral communicative situation, terminative transitive verbs govern direct objects with a definite article or a replacement determinant while cursive transitive verb govern an indefinite noun. This pattern is not followed in cases of communicative salience, if required by the cultural situation or when a set expression is present. The governing verb coordinates the bathymatic saturation of the direct object.

1. К постановке проблемы

В современных исследованиях все большее значение придается взаимопроникновению наук и внутринаучному трансферу (например: [21; 17]). В. Г. Адмони предвосхитил эту тенденцию, сформулировав идею партитурного строения речи и батизматического насыщения речевой цепи [2]. Батизматическое насыщение предполагает особое семантическое измерение, возникающее в «партитуре» речевой цепи и создающее глубину ее семантической интерпретации. Адмони поясняет, что батизматическое насыщение тесно связано с грамматикой и не ограничивается только системой речемыслительной деятельности, но реализуется и во внеоперационной си-

стеме, понимаемой как система парадигматических и синтагматических категорий и связей, существующих в человеческой памяти как иерархическое множество типов (моделей), одновременных в своем существовании [4]. Согласно Адмони, эта система должна быть дополнена батизматическими связями, то есть колоннами грамматических значений, которые наслаиваются на значения лексические. Адмони показывает это на материале логико-грамматических типов предложения [3, с.60–118]. Внеоперационная грамматическая система реализуется, на наш взгляд, и в словарях. В толковых словарях фактически производится лексикографическая экспликация батизматических наслоений, как, например, в «Активном словаре русского языка» [5; 6].

В нашу задачу входит исследование роли батизматического насыщения в межкатегориальном взаимодействии глагола и зависимого имени существительного. Материалом исследования служат глагольно-именные словосочетания с прямым объектом в немецком и русском языках. Анализ охватывает внеоперационную сферу, получившую отражение в лексикографической практике, и включает в себя контрастивное сопоставление текстовых примеров и их переводов.

2. Краткий обзор

На пороге XXI века в языкознании встает проблема взаимодействия категорий разного уровня. Из отечественных лингвистов назовем А. В. Бондарко, в работах которого подчеркивается важность исследования взаимодействия категорий морфологии и синтаксиса как проблемы межкатегориального взаимодействия, требующей полисистемного подхода. Последний предполагает учет не только системно-категориальных, но и речевых элементов [9, с.20]. Этот подход отвечает стоящим перед нами задачам исследования межкатегориального взаимодействия в глагольно-именной сфере, поскольку речь пойдет о зависимостях, возникающих между морфологическими характеристиками глагола и имени существительного через синтаксическое отношение управления. Кроме того, важным оказывается учет включенности глагольно-именной группы в контекст высказывания в узком и широком смысле. Поясним сказанное. В глагольно-именных словосочетаниях глагол, имеющий грамматическую семантику транзитивности, управляет существи-

тельным в винительном падеже. В немецком языке падежная семантика существительного выступает в комплексе с грамматической семантикой определенности или неопределенности, которая, однако, не связывается лингвистами с семантикой управляющего глагола. Имеющиеся в отечественной науке исследования охватывают, например, взаимодействие перцептивности и аспектуальности в русском языке [18], модальные признаки фактивности в их отношении к артиклю в старофранцузском языке [7]; однако проблема взаимной согласованности глагола-сказуемого и прямого объекта, выраженного именем существительным, остается вне поля зрения лингвистов.

В зарубежной лингвистике затронутая проблема получает конкретную интерпретацию в интересующем нас ракурсе. Э.Лайсс рассматривает развитие категории детерминации имени в немецком языке на широком историко-типологическом фоне, а именно в связи с распадом категории вида, которая была представлена в готском языке. Следствием утраты глагольного вида стал перенос видовых характеристик целостности и неделимости действия в именную сферу, что привело к формированию категории определенного артикля. Возможность такого переноса Э.Лайсс объясняет с помощью понятия перспективы высказывания. В ее трактовке внешняя перспектива связывается с завершенностью действия, что дает возможность посмотреть на ситуацию со стороны. При незавершенном, продолжающемся действии или процессе говорящий интерпретирует его «изнутри», реализуя внутреннюю перспективу [27]. Продуктивность противопоставления внутренней и внешней перспективы высказывания для решения проблемы взаимодействия глагольной и именной сфер показывает М. Л. Котин: «Ввиду отсутствия в немецком языке категории глагольного вида, кодификация видовых противопоставлений переносится на другой синтаксический уровень — уровень зависимой от глагола именной группы (дополнения). Видовая детерминация получает свое специфическое оформление на уровне имени, а не глагола, то есть не прямо, а косвенно, скрыто» [15, с. 150].

Функция перспективации сопоставима, на наш взгляд, с функциональным потенциалом коммуникативно-грамматических категорий — понятием, введенным В. Г. Адмони [3, с. 14] и принятым в отечественной германистике. Характеризуя глагол, Адмони подчеркивает, что в его морфологической системе органично слива-

ются логико-грамматические и коммуникативно-грамматические категории [22, с. 162]. Последние оформляют отношение говорящего к содержанию высказывания [3, с. 14], то есть охватывают все содержание, включая и зависимые объекты.

Несколько иную трактовку взаимодействия глагольной и именной сфер представляет В. Б. Кашкин [13]. В его монографии на материале нескольких европейских языков, включая русский, анализируется функциональная типология неопределенного артикля в рамках грамматико-контекстного комплекса, включающего в ряду контекстуальных факторов и аспектуальность. При этом автор не отделяет коммуникативную функцию от функции концептуализации [13, с. 10–11]. Понятие концептуализации проявляет лингвокультурную специфику взаимодействия категорий в типологических или контрастивных исследованиях.

В монографиях Э. Лайсс и В. Б. Кашкина выдвигается идея, которая состоит в обосновании общности функции определенности (Definitheit) [27] и неопределенности [13] для именной и глагольной сфер. Обе монографии выполнены на материале имени. Применяя в качестве исследовательского приема внутринаучный трансфер, выявим в теории Лайсс концепт определенности, предполагающий формат знания, включая лингвокультурную специфику (ср.: [8]). В немецком языке этот концепт, как и родственный ему концепт неопределенности, выражается специальным грамматическим показателем — артиклем; в русском языке грамматикализации не произошло, поскольку сохранилась категория глагольного вида, передающего родственный концепт завершенности/незавершенности действия в глагольной сфере. Выполненный нами контрастивный концептуальный анализ аспектуальности глагола и детерминации имени в немецком и русском языках привел нас к выводу, подтверждающему **тенденцию к однофункциональности** этих категорий, которая реализуется примерно в половине обследованных случаев. Включение в анализ глагольной сферы позволило нам ввести понятие **аспектуально-детерминантного равновесия**, отражающее межъязыковую уравнированность степени грамматичности глагольной и именной сфер [14]. Рассмотрим далее реализацию аспектуально-детерминантного равновесия в немецком и русском языках.

3. Материал и методика исследования

В статье комбинируются два метода: 1) лексикографический анализ сочетаемости транзитивных глаголов на материале толковых немецко- и русскоязычных словарей, а также словарей сочетаемости [5; 6; 11; 30; 31]; 2) межъязыковой сопоставительный анализ параллельных текстов на материале подкорпуса «Русская классика в немецких переводах» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)¹. Гипотеза состоит в том, что сопоставительный лексикографический и контекстуальный анализ высказываний на языке оригинала и в переводе должен проявить различия в межкультуральном взаимодействии переходного глагола и управляемого им имени существительного в винительном падеже и высветить лингвокультурное своеобразие аналогичных структур.

4. Лексикографический анализ

Лексикографический анализ, свободный от психофизиологических условий формирования речи, относится к внеоперационной сфере (ср.: [4]); этот анализ отражает салиентные свойства глагола, то есть типичные свойства, определяющие его сочетаемость в той или иной картине мира. «Глагол называет ситуацию и вводит ее обязательных участников с помощью тех синтаксических отношений, которые закреплены в его модели управления, ср. *давать* (кто? кому? что?)» [19, с. 31]. Салиентные свойства глаголов не лежат на поверхности, но имеют глубинное батизматическое измерение и влияют на семантику и форму зависимых имен, то есть фактически предвосхищают их идиоматическое употребление, хотя возникающие при этом сочетания рассматриваются не как фразеологические, а скорее как типичные для определенного языка. Во внеоперационной грамматической системе языка лексические, семантико-грамматические, грамматические и стилистические категории соположены во времени и входят в языковое сознание владеющих этим языком. Не вдаваясь в особенности структурирования словарных статей и метаязыка в словарях разного типа (ср. эту проблематику, например, в статьях: [16; 29]), остановимся на структуре статьи в толковом словаре Г. Варига [30] и «Активном

¹ <https://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> (дата обращения: 17.10.2019). Далее примеры даются из НКРЯ и цит. по этому источнику.

словаре русского языка» [5; 6]. В обоих словарях приводятся контексты употребления определенных единиц и связанные с этим семантические оттенки. Поскольку в глагольно-именной группе ядерным компонентом является глагол, рассмотрим словарные статьи на примере некоторых глаголов.

Инфинитив осознается как нейтральная форма глагола, фиксируемая в словарях. Семантическая структура конкретной леммы в форме инфинитива представлена в виде иерархически упорядоченных лексико-семантических вариантов. Лемма снабжается в словаре пометами, отмечающими ее принадлежность к категории глагола, транзитивность или интранзитивность, категорию спряжения, принадлежность к стилю. В дополнение к словарным пометам лингвист может возвести «батизматическую колонну» подспудно присутствующих грамматических и лексико-грамматических значений. Колонну образуют аспектуальность (в русистике выявляется через трансфер морфологических понятий, в германистике — через обращение к семантическим понятиям); валентность (применение понятий из грамматики зависимостей), постулирующую способность присоединять прямое или косвенное дополнение; личность/безличность (трансфер грамматических понятий), постулирующую возможность сочетания с личным субъектом, а также обобщенные семантические значения акциональности, статальности и ряд других, выявляемых с помощью трансфера понятий из категориальной семантики и компонентного анализа. Кроме того, толковые словари фиксируют словосочетания, обозначающие типичные ситуации употребления, которые интерпретируются с применением понятий из лингвопрагматики и теории речевых актов.

В качестве примера рассмотрим глагол *geben* и его русский эквивалент *дать/давать*. Для немецкой лингвокультуры в словаре *Wörter und Wendungen* [31] зафиксированы следующие типичные словосочетания с глаголом *geben*. Семантика терминативности этого глагола реализуется в ситуациях, связанных с едой, с приветствием, а также с проявлением милости к животному, ср.: *jemandem sein Essen geben* 'подавать кому-то еду', (*zur Begrüßung*) *die Hand geben* 'подавать руку (для приветствия)', *einem Tier den Gnadenstoß geben* 'добить раненое животное'. В немецкой лингвокультуре в этих ситуациях на прямой объект, мыслимый как единственно возможный, то есть определенный в данной ситуации, наслаивается батизматический смысл идиоматизации, лингвокультурной са-

лиентности; при этом реализуется семантический компонент 'движение в направлении объекта'. В русской лингвокультуре ни одна из этих ситуаций не реализуется в том виде, как они представлены в немецком узусе. Третья ситуация в русской культуре отсутствует, а первые две обнаруживают весьма существенные отличия. В глаголе *подавать* имплицитруется другой батизматический смысл, а именно 'давать, поднося, помогая' [11], поэтому типичные ситуации выглядят как *подать гостю чай* [12, с. 357], *подавать на стол* и *подавать руку (даме)* [11].

Глагол *дать* обладает в русской лингвокультуре амбивалентными салиентными свойствами, позволяющими реализовать другую сочетаемость. Например, в словосочетании *дать поручение* реализуется семантический компонент, изоморфный аналогичному немецкому словосочетанию *einen Auftrag geben*, которое, тем не менее, имеет другую форму выражения, включающую неопределенный артикль. Основным значением неопределенного артикля некоторыми учеными признается экзистенциальность, предполагающая возможность выделения, отграничения [20, с. 120]. Это значение характеризует специфику концептуализации описываемой ситуации в немецкой лингвокультуре, связанную с возможностью выбора. В русском словосочетании эта возможность не реализуется.

В «Активном словаре русского языка» у глагола *дать* описано 9 значений, в каждом из которых выявляются семантические варианты [6, с. 31–33]. В одном из вариантов значение глагола приближается к модальному, ср.: *Ребёнок не дает маме работать*. В предложении *Дайте мне пройти* глагол имплицитует семантический компонент 'движение в направлении от объекта' [6, с. 32]. В русском словосочетании *дать дорогу* имплицитруется тот же семантический компонент 'освободить', который в немецком словосочетании выражается компонентом *frei-: den Weg freigeben*. Приведенные примеры иллюстрируют языковую межкультурную специфику.

Специфика проявляется и на материале русских глаголов несовершенного вида и соответствующих им немецких курсивных глаголов. Наслаивание на объект грамматического значения неопределенности происходит в типичных ситуациях, передающих переменную семантику коммуникативной новизны, которая возникает при оценке объекта с помощью понятий функциональной семантики или при возможности его исчисления и аддитивности (трансфер из компонентного анализа). Такие ситуации фиксиру-

ются словарями; при этом в некоторых случаях глагол выступает в ослабленном значении, переходя в разряд функциональных, что объясняется в теории идиоматики: *jemandem ein Buch, eine Flasche Wein, einen Verweis, ein Versprechen geben* 'дать кому-то книгу, бутылку вина, указание, обещание'.

Курсивные (непредельные) транзитивные глаголы в ситуациях «синтаксического покоя» имплицитно наслаивают на грамматическую характеристику объекта семантику неопределенности, что согласуется с неопределенной продолжительностью действия или процесса. Немецкий толковый словарь приводит типичные словосочетания, отражающие салиентные свойства длительности: *Pilze, Beeren suchen* 'искать грибы, ягоды', *eine Frau suchen* 'искать женщину (с намерением жениться)', *eine Wohnung, einen Ausweg suchen* 'искать квартиру, выход'. Семантика длительности наслаивается на именную сферу, что выражается множественным числом имен, с одной стороны, и перебором вариантов искомого объекта, имплицитно указывающим на длительность его поиска, который может оказаться безрезультатным, с другой. Соответствующие русские словосочетания не всегда содержательно изоморфны немецким, например: *искать квартиру, выход, жену, но собирать грибы, ягоды*. Коммуникативная определенность объекта создается разного рода атрибутами, нередко именами собственными, стереотипностью при повторяющихся действиях или ситуативной единственностью: *seine Brille, den Schlüssel, den richtigen Weg suchen* 'искать очки, ключ, правильную дорогу'.

Таким образом, лексикография фиксирует салиентную сочетаемость управляющего глагола, отражающую его аспектуальные свойства, которые так или иначе наслаиваются на семантику зависимого имени, проявляя взаимодействие глагольной и именной сфер.

5. Сопоставительный контекстуальный анализ

В тексте глагол в функции сказуемого приобретает финитную форму, согласуемую с подлежащим. Возникающее при этом отношение отличается от других синтаксических отношений (сочинения и подчинения) тем, что «оба компонента, как сказуемое, так и подлежащее, обладают обязательной сочетаемостью по отношению друг к другу» [3, с. 22]. В субъектно-предикатном отношении реализуется синтаксическая категория предикативности, которая

в отечественном языковедении понимается как выражение отношения содержания предложения к действительности, в том числе оценка реальности этого содержания. Уникальность предикативного отношения состоит и в том, что оно выражается одновременно в категориях времени, модальности и лица (ср.: [3, с. 21]). Выскажем предположение, что предикативность можно отнести к батизматическому уровню, поскольку она синтаксически не маркируется, а только наслаивается на морфологическую финитную форму. Не случайно эта категория отсутствует во многих грамматиках немецких авторов (ср., например: [24; 25; 26]). Модальность — широко дискутируемое в современной лингвистике понятие, в традиционном смысле определяемое как отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего. В современной трактовке модальности используются понятия, заимствованные из логики: деонтическая, эпистемическая модальность [1]. Широко обсуждается проблема взаимодействия этой категории с категориями темпоральности и аспектуальности [28].

При сопоставительном анализе мы исходим из русского оригинала, содержащего переходный глагол совершенного или несовершенного вида. Анализ переводов подтверждает, что, в соответствии с гипотезой Э. Лайсс, глаголы совершенного вида имеют тенденцию инициировать потенциальную детерминированность прямого объекта. В русском языке это выражается в наличии разного рода атрибутов, которые сохраняются, а иногда и добавляются в немецком переводе. Наличие атрибута подчеркивает внешний характер перспективы, позволяющий оценить качество объекта (см.: [10]). Ср.:

- (1) Он услышал *поспешные* шаги Разумихина (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). — «Er hörte **die schnellen** Schritte Rasumichins» (НКРЯ);
- (2) Она вдруг бросила *ветку* в сторону (И. С. Тургенев. Фауст). — «Dann warf sie **die abgepflückte** Blume wieder fort» (НКРЯ).

В немецком языке аспектуальность не имеет грамматического статуса, но имплицитруется в семантике глагола, поэтому аспектуальные характеристики не всегда однозначны [23]. Глаголы с семантикой терминативности (предельности), аспектуальная характеристика которых сопоставима с совершенным видом, имеют

тенденцию имплицитно наслаивать на прямой объект грамматическую семантику определенности, реализуя стратегию *аспектуально-детерминантного равновесия*: неграмматичность вида в сфере глагола уравнивается грамматичностью детерминанта в сфере имени.

В то же время глагол, обозначающий завершенность действия, наслаивает на прямой объект, подвергаемый воздействию, не только семантику определенности, но и семантику единичности или единственности: имя в винительном падеже употребляется чаще всего в единственном числе и/или сочетается с притяжательным местоимением. И то, и другое проявляется в обоих языках (пример (3)), но притяжательные местоимения, которые дают контекстуальную отсылку, подчеркивая определенность объекта, чаще используются переводчиками в немецком языке (примеры (4–5)). В примерах (3–5) проявляется к тому же лингвокультурная специфика сочетаемости: русскому глаголу *обнять* соответствуют три немецких глагола *umarmen*, *umfassen*, *umschlingen*. Ср.:

- (3) *Он покраснел и поспешино пригласил вальсировать, но только что он **обнял ее** тонкую **талию** и сделал первый шаг, как вдруг музыка остановилась* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). — «Er erötete und bat sie nun eilig um den Tanz; aber kaum hatte er **ihre schlanke Hüfte umfaßt** und den ersten Schritt gemacht, als die Musik plötzlich aufhörte» (НКРЯ);
- (4) *Бросился он вдруг ко мне весь, обнял мне обеими рученками шею, стиснул меня* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы). — «Der Junge stürzte plötzlich zu mir, **umschlang** mit beiden Ärmchen **meinen Hals** und drängte sich an mich» (НКРЯ);
- (5) *Он обнял дочь...* (Л. Н. Толстой. Война и мир). — «Er umarmte **seine Tochter...**» (НКРЯ).

Однако аспектуальная семантика целостности не исключает инициации коммуникативной новизны референта, что в русском языке выражается интонацией и порядком слов, а в немецком — неопределенным артиклем. В примере (6) необычность объектов усиливается за счет местоимения *такой*, принимающего на себя фразовое ударение. В переводах в этих случаях типично употребление неопределенного артикля в сочетании с местоимениями *so*, *solch*. Ср.:

- (6) *Вот почему он и **провел такую ночь** и **такое утро**, свихнулся окончательно и выбежал на улицу чуть не в помешательстве* (Ф. М. Достоевский. Идиот). — «Das war der Grund, weshalb er dann **eine so schlechte** Nacht und **einen so schlechten** Morgen hatte, allen Verstand verlor und zuletzt beinah geisteskrank auf die Straße lief» (НКРЯ).

Обратимся к функционированию словосочетаний с глаголами несовершенного вида в русском и курсивными глаголами в немецком языке. В. Б. Кашкин считает неопределенность универсальным грамматико-контекстуальным комплексом, центром которого в артиклевых языках является неопределенный артикль [13, с. 104]. По нашим наблюдениям, глаголы, обозначающие незавершенные длительные действия, имеют тенденцию к сочетанию с существительными, обозначающими коммуникативно новые понятия. В примере (7) коммуникативная новизна объекта, возникающего в процессе его восприятия, сопряжена с семантикой неопределенной длительности, имплицитруемой в отглагольном имени существительном. Тем не менее анализ показывает, что и здесь батизматические наслоения зависят от контекста; в примере (8) ситуативная единственность объекта обуславливает выбор определенного артикля. Ср.:

- (7) *Вечером этого дня Илья, устав бродить по двору, сидел на полу около стола дяди и сквозь дрему **слушал разговор** Терентия с дедушкой Еремеем, который пришёл в трактир попить чайку* (М. Горький. Трое). — «Am Abend desselben Tages saß Ilja, müde von seinen Entdeckungsfahrten im Hofe, auf dem Fußboden neben dem Tische des Onkels. Er **hörte** im Halbschlaf **ein Gespräch** zwischen Terentij und Großvater Jeremjej, der gekommen war, um in der Schenke ein Glas Tee zu trinken» (НКРЯ);
- (8) *Она подняла глаза и в двух шагах от себя увидела Анатоля, который **обнимал француженку** и что-то шептал ей* (Л. Н. Толстой. Война и мир). — «Sie hob die Augen auf und sah zwei Schritte von sich entfernt Anatol stehen, der **die Französin in den Armen hielt** und ihr etwas zuflüsterte» (НКРЯ).

Таким образом, контрастивно-сопоставительный анализ текстов выявляет различия в сочетаемости глагольных лексем с разным объемом значения, отражающим лингвокультурную специфику. Контекст употребления способен проявить батизматические

наслоения, нарушающие тенденцию к аспектуально-детерминантному равновесию. В частности, качественная характеристика объекта, характеризуя его выделенность из ряда аналогичных, инициирует выбор категории неопределенности, несмотря на зависимость от глагола предельной семантики. И наоборот: ситуативная единственность объекта характеризуется определенным артиклем, несмотря на незавершенность производимого действия.

6. Выводы

Межкатегориальное взаимодействие реализуется как в системе языка, так и в речевой цепи. В обоих случаях построение «батизматических колонн» способствует экспликации этого взаимодействия. В глагольно-именных словосочетаниях, фиксируемых словарями, синтаксическое отношение управления, как правило, имплицитно налагает отношение семантико-грамматической координации, исходным пунктом которой является управляющий глагол. Семантика аспектуальности координирует выбор грамматических категорий определенности/неопределенности и числа имени в винительном падеже. В тексте аспектуально-детерминантное равновесие нередко нарушается за счет контекстуальных батизматических наслоений.

Лексикографическая и речевая батизматика во многих случаях выявляет лингвокультурную специфику глагольно-именных групп, определяемую различиями языкового строя контрастирующих языков, различиями типизированных ситуаций употребления, а также различной идиоматикой. Понятие аспектуально-детерминантного равновесия является универсальным при любых лингвокультурных различиях, обнаруживая специфику межкатегориального взаимодействия переходного глагола и управляемого имени существительного в винительном падеже.

Литература

1. *Аверина А.В.* Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). М.: Красанд, 2010. 192 с.
2. *Адмони В.Г.* Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // Научные доклады высшей школы. Сер.: Филол. науки. 1961. № 3. С. 3–16.

3. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. 366 с.
4. Адмони В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках / отв. ред. В.Г. Адмони. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. С. 6–36.
5. Активный словарь русского языка. Т. 1: А–Б / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
6. Активный словарь русского языка. Т. 3: Д–З / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.
7. Андреева Е.В. Функции артикля в высказываниях с модальными признаками фактивности (на материале старофранцузского языка XII–XIII вв.) // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 176–193.
8. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
9. Бондарко А.В. Функциональный анализ категорий грамматики: Предмет и метод // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 9–35.
10. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 180 с.
11. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2015. http://slovonline.ru/slovar_efremova/ (дата обращения: 03.12.2020).
12. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
13. Кашкин В.Б. Функциональная типология: (Неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. технич. ун-та, 2001. 255 с.
14. Кострова О.А. Стратегии создания аспектуально-детерминантного равновесия в немецком и русском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 72–84.
15. Котин М.Л. Язык и время: Очерк теории языковых изменений. М.: Издательский дом «ЯСК», 2018. 224 с.
16. Манёрова К.В. К вопросу о метаязыковой концепции немецких авторских словарей // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 5: Язык профессиональной коммуникации — немецкий. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 118–128.
17. Постовалова В.И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 36–60.
18. Пупынин Ю.А. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 36–51.

19. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
20. Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М.: ОГИ, 2009. 400 с.
21. Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от перевода — через cultural studies — к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–35.
22. Admoni W. [G.]. Der deutsche Sprachbau: Theoretische Grammatik der deutschen Sprache = Строй немецкого языка: Теоретическая грамматика немецкого языка. 4-е изд. М.: Просвещение, 1986. 335 с.
23. Drechsel U. Bemerkungen zu iterativen Verben vom Typ ‚hüsteln‘, ‚zertern‘ und ihrer Wiedergabe in ausgewählten deutsch-polnischen Wörterbüchern // Sprache und Wörterbücher in Theorie und Praxis: Lexikographische und textlinguistische Fragestellungen. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2017. S. 19–26.
24. Dürscheid C. Syntax: Grundlagen und Theorien. 6. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 256 S.
25. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
26. Fandrych C., Thurmair M. Grammatik im Fach Deutsch als Fremd- und Zweitsprache: Grundlagen und Vermittlung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 295 S.
27. Leiss E. Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 309 S.
28. Modalität/Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / hrsg. von A. Kačny, A. Socka. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2010. 264 S.
29. Ramers K. H. Überlegungen zum Lexikonbegriff // Texte und Wörterbücher: Translatorische, lexikographische und glottodidaktische Aspekte. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. S. 206–219.
30. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik, 1989. 1493 S.
31. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / hrsg. von E. Agricola unter Mitwirkung von H. Görner, R. Kufner. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1963. 792 S.

References

1. Averina A. V. *Epistemic Modality as a Language Phenomenon*. Moscow, Krasand Publ., 2010, 192 p. (In Russian)
2. Admoni V. G. Score Construction of Speech and the System of Grammatical Meanings in the Sentence. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Ser. Filol. nauki*, 1961, no. 3, pp. 3–16. (In Russian)
3. Admoni V. G. *Contemporary German Syntax: System of Relations and System of Construction*. Leningrad, Nauka. Leningr. otdelenie Publ., 1973, 366 p. (In Russian)

4. Admoni V.G. Structure of Grammatical Meaning and Its Status in the Language System. *Struktura predlozheniia i slovosochetaniia v indoevropeskikh iazykakh*, ed. by V.G. Admoni. Leningrad, Nauka. Leningr. otdelenie Publ., 1979, pp. 6–36. (In Russian)
5. *Active Dictionary of Russian*, vol. 1: A–B, ed. by Iu. D. Apesian. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014, 408 p. (In Russian)
6. *Active Dictionary of Russian*, vol. 3: D–Z, supervised by Iu. D. Apesian. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, 768 p. (In Russian)
7. Andreeva E. V. Functions of Article in Utterances Having Modal Factual Features (Exemplified by Old French). *Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 176–193. (In Russian)
8. Boldyrev N. N. Linguistic Categories as a Format of Knowledge. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2006, no. 2, pp. 5–22. (In Russian)
9. Bondarko A. V. Functional Analysis of Grammar Categories: Subject and Method. *Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 9–35. (In Russian)
10. Vol'f E. M. *Functional Semantics of Assessment*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 180 p. (In Russian)
11. Efremova T. F. Contemporary Lexicon of Russian, in 3 vols. Moscow, AST Publ., 2015. http://slovonline.ru/slovar_efremova/ (accessed date: 03.12.2020).
12. Zolotova G. A. *Syntactic Dictionary: Repertoire of Elementary Units in Russian Syntax*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 440 p. (In Russian)
13. Kashkin V. B. *Functional Typology (Indefinite Article)*. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. tekhnich. un-ta Publ., 2001, 255 p. (In Russian)
14. Kostrova O. A. Aspectual and Determinative Balance in German and Russian. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2019, no. 3, pp. 72–84. (In Russian)
15. Kotin M. L. *Language and Time: Outline of Theory of Language Change*. Moscow, Izdatel'skii dom «IaSK» Publ., 2018, 224 p. (In Russian)
16. Manerova K. V. About Metalanguage Conception of German Author's Dictionaries. *Nemetskaia filologiiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 5: Iazyk professional'noi kommunikatsii — nemetskii. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2015, pp. 118–128. (In Russian)
17. Postovalova V. I. Ways and Principles of Knowledge Transfer in Humanities. *Lingvistika i semiotika kulturnykh transferov: metody, printsipy,ologii*. Moscow, Kul'tumaia revoliutsiia Publ., 2016, pp. 36–60. (In Russian)
18. Pupylin Iu. A. Significance of Perception in Functioning of Grammatical Categories of Aspect, Voice and Time in Russian. *Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 36–51. (In Russian)
19. Rakhilina E. V. *Cognitive Analysis of Object Names: Semantics and Collocability*. Moscow, Russkie slovari Publ., 2008, 416 p. (In Russian)

20. Revzin I. I. *The Structure of German*. Moscow, OGI Publ., 2009, 400 p. (In Russian)
21. Feshchenko V. V., Bochaver S. Iu. Culture Transfer Theory: from Translation Studies — via Cultural Studies — to Theoretical Linguistics. *Lingvistika i semiotika kulturnykh transferov: metody, printsipy,ologii*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2016, pp. 5–35. (In Russian)
22. Admoni W. [G.]. *Der deutsche Sprachbau: Theoretische Grammatik der deutschen Sprache = Grammatical System of German*, 4th ed. Moscow, Prosveshcheninge Publ., 1986, 335 p.
23. Drechsel U. Bemerkungen zu iterativen Verben vom Typ ‚hüsteln‘, ‚zeteren‘ und ihrer Wiedergabe in ausgewählten deutsch-polnischen Wörterbüchern. *Sprache und Wörterbücher in Theorie und Praxis: Lexikographische und textlinguistische Fragestellungen*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2017, pp. 19–26.
24. Dürscheid C. *Syntax: Grundlagen und Theorien*, 6th ed. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012, 256 p.
25. Engel U. *Deutsche Grammatik*. Heidelberg, Julius Groos, 1996, 888 p.
26. Fandrych C., Thurmair M. *Grammatik im Fach Deutsch als Fremd- und Zweitsprache: Grundlagen und Vermittlung*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2018, 295 p.
27. Leiss E. *Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit*. Berlin, Walter de Gruyter, 2000, 309 p.
28. *Modalität/Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht*, ed. by A. Kačny, A. Socka. Frankfurt a/M., Peter Lang, 2010, 264 p.
29. Ramers K. H. Überlegungen zum Lexikonbegriff. *Texte und Wörterbücher: Translatorische, lexikographische und glottodidaktische Aspekte*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2018, pp. 206–219.
30. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. München, Mosaik, 1989, 1493 p.
31. *Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch*, ed. by E. Agricola with the participation by R. Kufner. Leipzig, Bibliographisches Institut, 1963, 792 p.

Кострова Ольга Андреевна

профессор кафедры немецкого языка Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 443099, Самара, ул. Максима Горького, 65/67

Olga A. Kostrova

Professor of German Department, Samara State University of Social Sciences and Education, Doctor of Philological Sciences
Address: 65/67, Maxim Gorki street, Samara, 443099, Russian Federation

E-mail: olga_kostrova@pgsga.ru

SPIN-код: 3746-5105; ResearcherID: O-3683-2015; ORCID: 0000-0002-2044-6048;

AuthorID: 623030; Scopus Autor-ID: 56998620600